

Михайло Карамышев

Ай во славном во городе Карамышове
У того-то было Петра, купца богатого,
У того-то была молода жона,
Да во ту-то было пору, да во то времё,
Ай во то-то было время нонь беременна.
Родила-то, принисла да чада милого,
Ай любимого бы сына да одинакого.
Созывали бы отцов-попов, причятников
А крестити бы его, сына, молитвити.
Приходили бы попы, отцы духовныи,
Нарекли бы свето имё ему Михайлушкой.
Заводилса у Петра тогда почесён пир
Как на тих бы на radoщах великиих
Пир-от у них шел да о полупира,
Кабы стол-от вёлса о полустола,
А и все бы на пиру были пьяны-веселы,
Да весьма-то бы нонь вси да веселёшиньки.
Говорит-то бы Петр, купец богатяя:
«Уж ты ой еси, моя да молода жона!
У нас хто будёт теперь тешить-нёжити?
Отдадим-ко мы ведь бабушки-задворенки
А кормити-то, поить да чадо милое,
До того бы ума, до крепка разума».
Посылали-то за бабушкой скоро посла —
Приходила тут бы бабушка-задворенка.
А примают тут старушку с чесью, с радосью.
Говорит тут его молода жона:
«Уж ты ой еси, бабушка-задворенка!
Ты возьми-тко у нас да чада милого,
Да любимого бы сына одинакого,
Да кормити бы, поить его да возраста,
До того бы ума, до крепка разума!»
А на то бы тут старушка да соглашаитца,
Да берёт-то кормить-поить до возраста,
До того бы ума, до крепка разума.

Как бы отдали старушки этой, бабушки,
Понесла в свою бы келью нонь во малую,
Да кормити бы, поить да добра молодца.
Принесла бы его, да дитя малого, —
Она кормит кусочками всё сборныма,
Да поит молочкём сладким козловым.
Как бы стал Михайлушко лет пети-шести,
Как бы стал Михайлушко лет семи-восьми —
Приучать-то стала в грамоту всё руськую,
Кабы в ти жо науки протчи мудрыи.
А Михайлу грамота давалосе,
Хитры-мудрыя науки открывалисе.
Кабы стал Михайло тогды на возрасте,
Да во том бы уме, во крепком разуме,
Он бы стал бы, Михайло, лет двенадцети,
Говорит-то Михайло своей бабушки:
«Уж ты ой еси нонь, бабушка-задворенка!
А не та, видно, мать, коя спородила,
А та, видно, мать, коя воскормила.
Уж ты ой еси нынь, бабушка-задворенка! —
Он бы падал-то ей да во резвы ноги, —
Уж ты дай благословеньица мне сходить-сгулять,
Посмотреть-то охвота людей добрых,
Показать сибя, удала добра молодца!
Ты не знашь ле где коня — как лошадь добрую
По чисту мне-ка ли полю прогулятисе?»
Говорит-то тогда бабушка-задворенка:
«Уж ты глупо ты дитя, да малолётноё,
Ты поедёшь-то топерь да во чисто полё,
А бывает, найдешь удала добра молодца,
Ай бы сильняго могучаго богатыря,
Потеряешь ты свою да буйну голову,
Заневид ты потеряешь, не за денежку!» —
«Уж ты ой еси нонь, бабушка родимая,
Ты спусти-тко меня да прогулятися!
Да не знашь ле ты мне-ка лошадь добрую?
Посмотреть мне-ка охвота людей добрых,
Показать себя, удала добра молодца!»
Говорит-то ему бабушка родимая:

«Я бы знаю-то далёко в поле чистаём,
У сыра-то бы дуба да есь глубок погреб,
А во погребе стоит бы доброй конь,
А закрыт бы доской-плитой железной,
Да засыпан бы песком-хрещом сыпучиим,
Да закладен бы он плитьем-каменьём».

А тогды-де Михайло осержаитце:
А розмётывал бы всё плитъё-каменьё,
А розрыл бы хрящи-пески сыпучии.
Да была-то бы плита да тут железная,
Да тенула бы плита нонь да сорок пудов,
Он пинал бы доску-плиту своей ногой —
Улетела бы доска-плита во чисто поле.
Услыхал-то бы тогды да типерь доброй конь —
Обрывал-то бы чепа вси железныи,
Он выскакивал-то, конь, теперь из погреба.
Схватил тогда Михаило во белы руки:
«Уж ты конь ле, мой конь, да лошадь добрая!
Уж ты как ле служил прежнему хозяину,
Уж ты так же послужи мне верой-правдою,
Уж бы правдой ле, верой, не изменою —
Так же сноси меня по чисту полю,
Да удалого дородня добра молодца!»

Становилса бы конь у добра молодца.
Он пошел бы, молодец, да ко сыру дубу,
На дубу-ту бы было всё написано,
Глубоко-то бы было всё подрезано:
«Есь-то бы тут да ю сыра дуба,
Тут положено бы есь у добра молодца,
Да у сильняго могучаго бы богатыря,
Положена бы тут сбруя лошадиная,
Тут бы вся-то есь приправа багатырская».

Разрывал тогды матушку сыру землю,
Да нашел бы нонь сбрую лошадиную,
Как бы всю нонь приправу богатырскую.
Надевал бы узду на коня тосмянную,
После того-то клал да мякки войлочки,
А под войлочки клал подседельничёк,
А на верх-то клал седёлышко черкасское,

Ай двенадцеть-то бы подпруг шолковых,
А тринадцету кладёт через хребетну степь:
А не ради бы басы — да ради крепости,
Кабы ради-то поездки молодецкой.
Он берёт с собой матёр белой полот шатёр,
Он берёт с собой лук тугой разрывчатой,
Ищэ три берёт стрелы с собой калёныи,
Ай калёныи бы стрелоцьки, перёныи,
Не простым-то бы перьяцом — орловым:
Не того-то бы орла, што российского, —
Дорогого бы орла славна камчужского.
А берёт бы с собой да саблю вострую,
Да берёт с собой палицу буёвую,
Да берёт-то копье вострое пропером,
Да берёт-то бы ножищо нонь, кинжалищо,
А берёт с собой аркан да белошолковой.
Да берёт с собой латы всё булатныи,
Как которы бы были с крепким панцырём,
Он берёт с собой шапоцьку булатную,
Как котора бы была да с крепким панцырём, —
Не брала-то ее бы сабля вострая,
Не ломила бы ей палица буёвая.
Ищэ брал с собой скатерку-хлебосолочку,
Как бы брал с собой шатёр белополотненой,
Кабы падал-то бабушки в резвы ноги:
«Ты прости-то бы, бабушка родимая!
Да не та-то ли нонь мать, коя спорóдила,
Да та, винно, мать, коя воскóрмила!»
Да тогды-то бы старушка приросплакалась.
А скочил молодец да на добра коня —
Толькё видела старушка, как ' коня посел,
Не видала у его поездки молодецкой.
Прижимал-то бы коня во стропы булатныя —
Заходил-то под ним коницёк, как лютой зверь.
Он бы скацёт-то на кони да с горы на горы,
Он бы скацёт-то с шóлома на мéлема окáтисты.
От его-то поездки молодецкой,
Молодецкой поездки богатырской,
Да камыш-то бы трава да растилаетца,

А сыро-то дубьё всё шатаецэ.
Выежжал тогда Михайло на круту гору,
Вынимал-то трубоцьку подзорную,
А смотрел-то, гледел да во вси стороны:
А во перву-то згленул во сторону во северну —
А во северной сторонушке есь сини моря,
Да сини-то бы моря тут ледовитыя;
Во-вторых, згленул ' стороночку во летную —
Да во летной стороны тёмны леса,
А темны-то бы леса весьма дремучия;
Да згленул-то бы в стороночку во встóчную —
Да во восточной сторонке есь круты горы,
Да круты-то бы горы, да превысокии;
А гленул бы ' сторонку тут во западну —
Да под позападной сторонки, под крутой горы,
А стоял-то бы в поле тут бы чёрн шатёр,
Круг шатра-то бы ходят три добрых коня.
А тогды-то бы Михайло нынь раздумалса:
«А нельзя-то бы шатра протти-проехати,
А надь во шатре людей проведати —
Мне не честь будёт, хвала да молодецкая,
Да не выслуга будёт богатырская!»
Поворачивал коня тут ко черну шатру,
Ищэ сам-то в уми тут прироздумалса:
«Я слыхал от своей бабушки родимой,
Што бы чёрн-от шатёр будёт неверный,
А бы белой-от шатёр да наш русский —
Кабы нецё молодцу страшитця-боятисе».
Поворачивал коня да ко черну шатру,
Он бы гнал кабы круто по чисту полю.
Приежжал тогды Михайлушко ко черну шатру —
Во шатре-то бы Михайло сам послушиват
Кабы злы-то разговоры их татарскии.
Кабы есь тут три тотарина поганьи,
А поганьи собаки, нечестивьи,
А четверта-то с имá сидит красна девушка.
А ограбили они-то золоту казну,
Огромíли они церкви вси соборныи,
Розорили бы мона́стыри причесныи,

Да между-то бы собой собаки дел делят:
На один-от бы пай кладут собаки сорок тысяцей,
На другой-от бы пай кладут собаки сорок тысяцей,
На третей-от пай нонь кладут красну девицу.
Тут бы плацёт-то девица, как река текёт,
Она ронит бы слезы всё горючие,
А трепит-то бы, щыплёт трубчату косу:
«Уж ты ой еси, моя трубчата коса!
Ты досталася не кнезю, не боярину,
Не удалому дородню добру молодцу,
А не сильному могуцю храбру воину,
А досталася тотарам на поруганье!»
Ак один-от говорит да таково слово:
«Ты не плачь-ко, девица, душа красная!
Если ты-то в моём пою достанишьсе,
Я возьму-то ведь тебя да за себя в жены,
Я те дам поученье нонь великое:
Да на кождой день по раны по кровавоей!»
А другой-от говорит да таково слово:
«Ты не плачь-кё, девица, да душа красная!
У меня-то бы есь теперь любимой сын,
Да любимой-от бы сын, да одинокой был,
А возьму я нонь тибя за его в жены,
Уж ты будешь у меня в доме хозяйкою.
Он бы будёт же, девица, нонь строжити те:
А на кождой день бить будёт, стегать будёт,
А по три раны давать тебе кровавые!»
А третей-от говорит да таково слово:
«Ты не плачь-кё, девица-душа красная!
Уж в моём ты пою если достанешьсе,
Про тибя-то у меня есь сабля вострая,
Кабы востра, нова, некрововлена, —
Я ссеку у тя, срублю да по плечь голову!»
Ай бы плацёт-то девица пуще старого,
Да не видит она свету белого.
А тогды-то бы Михайлу за беду стало,
За большу ему досаду показалось:
Он скакал бы тогды да со добра коня,
Оставлял бы коня да не привязана,

Как бы шел-то тотарам во черн шатёр.
Он не спрашивал не роду их, не племени,
А хватил-то их, тотар, тогды за черны кудри
Да тащил-то их, собак, да вон на улицу.
Как одного-то бы брал он под праву руку,
А другого-то бы брал сам под леву руку,
А третьёго прижимал на груди белойей,
Выздымал-то бы выше буйной головы,
Да хвостáл-метáл о матушку сыру землю —
А тогда-то бы тотарам смерть случиласе:
Розрывал-то бы татар их по мелку чесью,
Розметал бы собак да по чисту́ полю.
Заходил тогды Михайло во чёрн шатёр:
«Уж ты здраствуёшь, девица-душа красная!
Во-первых, ты мне невеста обручённая,
Во-вторых, мне княгина первобрачная,
А по-руськёму назвать — жона венчанная!»
Не спрашивал у ей не роду он, не племени,
А ложилса с ей бы спать да ' едино место,
Он бы спал с ею же времени трои сутоцки,
На четвертыи сутки разбужаитце:
«Уж ты ой еси, девица-душа красная!
Ты коёго теперь города, коей земли?
Коего видь ты отца, да родной матушки?
Ищэ как тя назвать будёт по имени?
Ищэ как звеличать по отечеству?»
Отвечат ему девица, да душа красная:
«Я из славного города Карамышова,
Я того ведь нонь Петра, купца богатого,
Я ему-то ведь буду всё любима дочь».
А тогды бы говорил Михайло таково слово:
«Уж ты ой есь, девица, да душа красная!
Ищэ ты мне не невеста обручённая,
Ищэ ты мне не княгина первобрачная,
Ищэ ты мне не жона будёшь венчанная —
Ищэ будёшь ты мне, девушка, родна сестра!»
А тогды они с ею да думу думали:
Разделили пополам с им золоту казну.
Как удумали они с им Богу молитисе,

За свои-ти грехи тежки прощатисэ:
Как пошли они в монастыри пречесныи.
Роспростилисе тогды да со родной сестрой —
Он бы брал половину золотой казны,
Он поехал к своей бабушки родимоей,
Да навеки-то проститсе с родной бабушкой:
Он бы отдал ей двадцеть тысяць золотой казны,
А остатки-то бы взял он с собой тогды.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., д. Пылемец (на р. Печоре) Пустозерской вол. (зап. на рыболовной тони на р. Печоре) — от Хабарова Степана Федоровича, 69 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.